

Почти две с половиной тысячи лет назад, на заре Европейской цивилизации, великий древнегреческий философ Платон, развивая гениальное учение Пифагора, отделил материальный мир изменчивых конкретных вещей от метафизического мира вечных непоколебимых истин. Затем этот фундаментальный принцип умного бытия человека и его общин в окружающем мире нашел своё реальное воплощение в основополагающем принципе социального обустройства людей в изречении Спасителя: «Кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мтф. 22:21). На этом принципе в христианской Европе строились и развивались государства во все минувшие времена. Он актуален и для нас, жителей литовского государства, ибо основное население, проживающее сегодня здесь христиане: литовцы, русские, поляки, белорусы, украинцы, греки и т.д. Только во времена Великой французской революции, в последней декаде XVIII века, простые люди, убрав «кесаря» (правившего «по воле Всевышнего») и все родовые привилегии его дворян, объявили себя выразителем воли Господней – *Vox populi vox Dei!* («Глас народа — глас божий!»), – и отразили это в своих новых законах, определяющих демократическое социальное устройство Франции. Общественная демократия, оформленная новой революционной Конституцией, стала формироваться в реальное новое этнополитическое государство французов. Новое национальное государство теперь отражало волю французского народа (*plebsa*), говорившего на одном языке, исповедовавшего одну – христианскую, католическую религию, оно имело свои государственные границы, сложившиеся в течение многовековой истории правления своих королей (среди иных кесарей со своими вотчинами). Наконец, французы жили со своим мудрым фольклором, танцами и народными обрядами.

И тут произошла удивительная метаморфоза в социальном сознании этих людей. Как оказалось, мир материальных – а точнее меркантильных отношений – увы, никуда не исчез под гильотиной, массово рубившей дворянские головы, и цена золота осталась реальным мерилем не только человеческого житейского благополучия, социального статуса, мощи государства, но и нравственных отношений. Хотя именно метафизические нравственные отношения легли в основу тех общественно-политических процессов, которые тогда сотрясли Европу и продолжились с новой силой в середине XIX века. Бурное развитие капитализма, урбанизация и социальное отчуждение людей, объективно поделившее их на классы, привело к «Весне народов» (1848–1849 гг.), – целому ряду революционных движений, проявившихся в форме неповиновения власти, вооружённых восстаний, провозглашения новой национальной государственности. Поистине исконно человеческое чувство одухотворения своего бытия, не позволяло людям разменивать духовное – на материальное. Тогда народы, ведомые социальными нравственными идеалами свободы, равенства, братства, определились со словом «нация», которое вошло в повседневный оборот политиков в Европе.

Во все времена до этого, ни употребляемый человеком язык, ни религиозная конфессия, адептом которой он являлся, ни повседневная обрядность поведения человека или манера одеваться, не определяли его как национала, представителя той или иной конкретной нации. Ибо ни «наций», ни «националов» не существовало до XIX века, ни в прикладном обыденном сознании, ни в политическом. Не было «национальных» субъектов международного права, а, следовательно, и национальной политики.

«Чьих будете?» – вот тот, истари существовавший изначально и основной вопрос к неизвестному человеку (или людям), вошедшему с миром (или вторгшихся с агрессией) для того, чтобы определить степень влияния властного над ними сюзерена. Имелась ввиду древность рода феодала и его родового герба, чтобы определить адекватность поведения его подвластных – интрузов, явившихся неожиданно. Существовало и такое старинное определение человека по местности – откуда прибыл, не носящее аспект национальной принадлежности. В титул польских королей и великих литовских князей входило определение «король литвинов и многих русинов», которое не определяло их как националов, но как жителей территорий исторической Литвы (она издревле формировалась около Новогрудка, Трока и Вильны) и Руси (Карпатской Руси). И ещё, например, обучаясь в Варшавском университете, коллеги студенты называли меня *Walery Litwin*, хотя по национальности я русский, правда, родился в Литве, в Каунасе. Т.е. мне, приехавшему к ним человеку, было дано определение по названию места рождения и постоянного проживания. Аналогично, определение «литвак» не означает национальность литовец, а – еврей с территории Литвы.

И пусть никого не смущает слово «Nationis» в выражении: «*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae*» (что дословно переводиться как «Священная Римская империя германских народов»), а не «наций» (что само по себе абсурдно в нынешнем понимании значения этого слова). Слово «*natio*», «*nationis*» (ж.р.) в переводе с древнего латинского языка означает: 1) рождение, происхождение. 2) племя, народ. Т.е. ключевым смысловым корнем этого понятия является именно слово «род» – линейная родственная биологическая связь конкретных людей, предопределявшая в *Lex Romanum* (Римском праве) имущественные права этих родственников при наследстве или дележе имущества предшественника данного рода.

Н.В. Напомню, эта империя «германских народов» существовала с 962 г., и была отменена Наполеоном в 1806 г., принявшем тогда на себя дальнейшее обустройство новой капиталистической Европы по своему правовому Кодексу гражданского права (*Code Napoléon*, 1807 г.), ставшего основой нового европейского законодательства.

Сегодня слово «нация» имеет и другое смысловое наполнение. Новый смысл понятия «*natio*» – нация, в своей работе под названием «О нации, как основе международного права» (1873 г.) ввёл итальянец Паскуале Манчини (1817–1888). Это новое понятие нашло своё отражение в законах, по охране культурной самобытности национальных меньшинств, принятых после Первой мировой войны. Новообразованные после войны на развалинах европейских империй этнополитические национальные государства формировались не точно по границам проживания тех или иных титульных этносов, но по границам экономических притязаний государств-победительниц. Это побуждало, по гуманным соображениям, учитывать и защищать нравственные aspirations представителей тех или иных национальных этносов, оказавшихся на территории не своего титульного этнополитического государства.

В наше время в словарях различных европейских стран существуют различные определения слова «нация». Однако критериями для определения национальной принадлежности конкретных людей, являются именно культурогенные, а потому метафизические факторы. В их основе т.н. Нравственный крест, детерминирующий сознание человека следующими аспектами его духовного бытия: язык (эстетика – эмоции), этнокультура (этика – рассудок), история (мораль – ум), конфессия (эсхатология – мудрость). Правда, и здесь не всё так просто, поскольку сегодня свободное владение несколькими языками – реальность, особенно в смешанных по национальному составу семьях. Аналогично – по профессиональной принадлежности. Здесь различен характерный нравственный менталитет, детерминируемый Нравственным крестом при оценке окружающей материальной и социальной реальности. Он различен у католиков (иже с ними различных протестантов) и православных. Католик, «обожествлённый» своими символами веры и литургией – формалист, назидатель – миссионер. А вот православный – изначально слуга Божий, искренний и вдумчивый. Различие обуславливает принцип филиокве – у католиков дух Божий исходит и от сына.

Ещё ярче национальный характер человека проявляется в обрядности его поведения и внешнем виде. Однако сегодня важнейшим аспектом определения национальности человека является его умное историческое мышление и его аксиология (оценка) исторических авторитетов. Например,

тестовым вопросом здесь является: тебе ближе этот король..., или тот король..., с которым первый – воевал? И т.п. И ещё: в мононациональных государствах, таких как, например, Польша (92% поляки), национальность людей формально юридически определяется гражданством данного государства. А вот понятие «нация», например, в многонациональном СССР сталинского периода, включало в себя ещё факторы: территория и экономика, – но принципиально не определялась при этом фактором религиозная конфессия.

Исторический генезис формирования государственности «Великого княжества Литовского, Руского, Жомойтского и иных [земель]» (ВКЛ) был этнически славянским и православным. Все внутренние документы великих литовских князей писались на старорусском языке кириллицей, в том числе и все три Литовских статута (1529 г., 1566 г. и 1588 г., – последний действовал до 1840 г.). Ещё в XV в. путешественники, посещавшие Вильну, отмечали что «количество православных церквей вдвое больше католических» (Константинопольской православной церкви).

Понятие «литовец», в его культурогенном национальном смысле, начало культивироваться на территории Российской империи после польского восстания 1863 г., когда, по ходатайству графа М.Н.Муравьева-Вилenskого, 25 августа 1866 г. Император Александр II издал высочайший Указ, гарантировавший литовскому языку гражданское право в местных школах. Было налажено начальное образование среди детей крестьян. Обучение велось на местном «жмудском наречии», так тогда называли нынешний литовский язык. В Мариамполе открылась литовская гимназия, а в Вейверах – постоянный учительский семинар. Тогда прусские «летувининкай» стали здешними «литовцами». На литовском языке (на кириллице) начали выходить произведения Юлии Жямайте, Антанаса Баранаускаса и др. авторов. В российских университетах был учреждён ряд стипендий, которые предназначались специально для местных детей. Многие молодые люди из более зажиточных семей поехали получать высшее образование в учебные заведения Российской империи. Среди них были Йонас Басанавичюс, Антанас Сметона и другие будущие «отцы-основатели» нынешнего государства литовцев. Казис Буга – профессор Пермского университета – ввёл в 1901 году оригинальный алфавит, основанный на латинских буквах (за основу взял чешский алфавит). С 1904 года в свет начали выходить литовские книги, написанные уже на известном нам ныне литовском алфавите.

Обучался в Московском университете и Йонас Яблонскис: создатель «Грамматики литовского языка» (1920 г.). Мировую славу получил в Санкт-Петербурге художник и композитор М.-К.Чюрлёнис (изначально ни слова не знавший по-литовски) и т.д. Так в имперской России происходило формирование литовской национальной интеллигенции...

Затем в 1917 г. в России прошло две революции, и мирные переговоры с кайзеровской Германией в городе Брест-Литовске, закончившиеся в марте 1918 г. подписанием договора с большевистской Россией (РСФСР). До этого, 16 февраля, во время данных переговоров в оккупированном немцами Вильно литовской национальной Тарибой было провозглашено Решение о «независимости Литвы», на основании которого должно было образовано Литовское Королевство с королём Миндаугасом II (немецким принцем: Вильгельм Карл Флорестан Геро Кресценциус фон Урах), естественно, с полным подчинением этого государства кайзеровской Германии. Не случилось – немцы проиграли ту войну.

Но вернёмся в март 1918 года. На основании Брест-Литовского мирного договора между Москвой и Берлином, по политико-национальным территориальным лекалам, определённым в Вашингтоне и Лондоне (проводником таких национальных политических идей на этих переговорах был один из вождей большевистской революции Л.Бронштейн-Троцкий), Москва согласилась на создание этнополитических национальных государств: Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия и Украина, – которые до этого, как государства, никогда не существовали. Подчеркну, ВКЛ не было этнополитическим национальным государством литовцев по выше изложенным причинам.

После поражения Германии 11 ноября 1918 г. огромную работу по созданию этнополитического государства литовцев провёл Лондон, в результате чего 14–15 апреля 1920 г. прошли выборы в литовский Учредительный сейм, в основном на территории бывшей Ковенской губернии Российской империи. Начав свою работу 15 мая 1920 г. в Каунасе, этот Сейм из-

брал президента Александра Стульгинскиса (15 мая 1920 г.), провозгласил 10 июня 1920 г. создание Литовской Демократической Республики (ЛДР) на основе принятой им временной Конституции, было сформировано первое правительство ЛДР, во главе с доктором Казисом Гринюсом. Заметим, ни среди состава членов Учредительного сейма, ни среди членов правительства не было ни одного представителя русских граждан новообразованного государства литовцев. Но членами Сейма стали евреи, представлявшие самые влиятельные финансовые и деловые круги страны, среди них было много членов партии еврейского социалистического «Бунда». Поляков тоже не было среди членов этого Сейма. Понятно, почему – захват Вильны и прилегающих территорий в апреле 1919 г. легионерами литвина Ю. Пилсудского, начальника новообразованной Польской Республики. (Другой литвин, генерал Л. Желиговский, вновь захватил Вильно и тамошние территории осенью 1920 г., до этого, летом 1920 г., переданные Москвой литовскому правительству в Каунасе).

Политические и национальные aspirations русского населения исторической Литвы, как впрочем, и представителей других национальностей, не были представленными уже в начальной фазе существования современной литовского государственности в органах власти. Более того, в начале 30-х годов, во время смены паспортов в ЛДР транскрипция русских, польских и других нелитовских имён была заменена на – литовскую. К окончаниям имен были добавлены «ас», «ус» и т.п., тем самым русские, поляки, евреи и др., носители изначально не литовских имён, камуфлировались под литовцев.

Перейду к освещению актуальной проблемы соотношения культурогенного национального сознания и – прикладного, материального (меркантильного в социальном аспекте). Первое олицетворяет платоновский «мир идей», с его реалиями, нравственно табуированными и аксиологизированными (так или иначе оценёнными) конкретным человеком (изначально посредством чувств и эмоций). Второй, физический, – умно и рационально утилизированные для своих целей людьми природные реалии, посредством математики, инженерной, химической и др. естественных наук. Эти два реальных мира, объединённые политико-экономическим мышлением, детерминируют социальное развитие гражданского общества, на основе научно-технического прогресса. Питательной средой такого прогресса являются именно гуманные ценности культуры, обрамляющие происходящее. Сегодня национальное сознание людей, в основе которого, опять-таки подчеркну, культурное нравственное сознание человека, сформированное с детства, в семье и через образование в школе и ВУЗе, определяет каждую личность как национальную, а не как безродного космополита. (Замечу, с образованием на родном, не литовском языке, сегодня в Литве большие проблемы). Без такого, гуманного культурного по своей сути сознания, нет, и не может быть обретения человеком счастья, столь искомого каждым в трудной многогранной и многомерной жизни. Национальное сознание, это та духовная опора, на которую воспитанный образованный человек опирается при решении возникающих вопросов, не за счёт других националов, но по уму и мудро, уважая культурные aspirations других. Космополит представляет гуманно обезличенную особу, для которой удовлетворение своих собственных животных инстинктов и социальных рефлексов (амбиций) является первейшим заданием. Это не умное гуманное служение красоте и гармонизации окружающего мира.

Высокообразованный национал, патриот своей страны, служит делу умного взаимопонимания различных национальных культур их гармоничному взаимодействию в рамках своего государства, во благо его развития как экономического, так и расширения гармоничного ареала взаимодействия различных национальных культур. Национальные культуры никогда не смешиваются, но переплетаются во всё новые красивые социальные структурные узоры социальной ткани государства, тем самым укрепляя его. В отличие от националистов, патриоты скрепляют межгосударственные национальные отношения.

Националисты, по существу, ведомые животным инстинктом ксенофобии, разрушают исторически сложившиеся национальные связи людей. (Из словаря: ксенофобия – страх перед иностранцами или ненависть к ним; этноцентризм, приобретающий патологические формы) Нацисты, равно как и шовинисты-расисты из-за органической боязни чужого, как мелкие псы, готовы только лаять, нападать и кусать. Это не социальные конструкторы, это социальные деструкторы, из-за своего общего узкого культурного развития, частнособственнического корыстного

мировоззрения, не способные решать современные сложные социально-экономические задачи развития общества и мировой системы межгосударственных отношений в расширяющемся информационном мире. Впрочем, за ними нет будущего, как не было будущего у нацистов и шовинистов в гитлеровской Германии, чему доказательством служит исторический факт – Победа СССР и союзников в 1945 г. Послевоенные международные правовые акты юридически закрепили защиту национальных прав людей, где бы они не проживали.

Опускаясь на нашу грешную землю, сюда, в столицу исторической Литвы, где именно культурное пограничье между католицизмом и православием, в течение нескольких столетий давали импульс такому огромному творческому потенциалу, который породил великие произведения культурного и научного искусства, обогащавшие человечество ярчайшими сокровищами мировой культуры и науки. Вот только краткое олицетворение этого: Смотрицкий, Мицкевич, Монюшко, Чюрлёнис, Смыслов, Кукольник, Карсавин и т.д. и т.д.

Через умно структурированный государственный гражданский социум, по существу несовместимые начала земного естества, метафизическое – духовное и физическое – материальное, действительно гармонически объединяются для совершенствования человечества в его цивилизованном прогрессе.

Увы, диссонансом изложенному выглядит преамбула нынешней Конституции Литовской Республики, вычленяющая, как объект юридической защиты, среди всех народов, проживавших здесь исстари и живущих теперь, в нынешнем этнополитическом государстве литовцев, только нынешнюю «нацию литовцев»: «создавшую много веков тому назад Литовское государство, ... веками решительно защищавшую свою свободу и независимость...». Не потому ли, не пресекаемые властями лозунги: «Литва для литовцев!» – всё чаще звучат сегодня в Литве? Это настораживает!